

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XVII

СТРАНЫ И НАРОДЫ
БАССЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1975

С. А. Маретина

«ДОМ ХОЛОСТЯКОВ» У НАРОДОВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

«Дом холостяков», или «мужской дом», — социальный институт, который имеет (или имел в недавнем прошлом) широкое распространение у многих народов мира. По словам одного из первых исследователей этого явления, С. Пила, его можно было встретить на территории от Ассама до Новой Гвинеи и от Маршалльских островов до Нигера [24, 244]. В Юго-Восточной Азии институт «дома холостяков» зафиксирован (с запада на восток): у горных народов Ассама, Нагаленда и сопредельных территорий, бирманских нага, мои и кха Индокитая, джакунов Малакки, игоротов, бонтоков и ифугао Филиппин, у ряда даякских племен Калимантана, горных народов Флореса, Тимора, Сулавеси, Новой Гвинеи¹.

У различных народов Юго-Восточной Азии «дом холостяков» имеет свои названия — морунг у нага, декачунг у гаро, аризу у мижкиров, пахарунан у игоротов.

Наличие «дома холостяков» зафиксировано лишь у народов, населяющих изолированные горные районы. По-видимому, данный институт присущ общинно-родовому строю и не сохраняется при переходе к классовому обществу. По словам Т. Ходсона, «он в большей степени характерен для определенного уровня развития культуры, чем для особой этнической группы или групп» [12, 75].

Мы уже имели случай говорить об удивительных совпадениях многих явлений культуры у отдельных горных народов Юго-Восточной Азии, различных по происхождению и языку [см. 1]. Одним из таких общих элементов и является «дом холостяков». Формы и пути трансформации этого института у разных народов серьезно варьируются, однако его основные формально-описательные и функциональные характеристики совпадают. Поскольку «дом холостяков» на протяжении последних десятилетий находится в состоянии трансформации (а у некоторых народов — и отмирания), описание этого института в насто-

¹ Этот институт еще крайне слабо изучен. Это отмечают и в рассматриваемом регионе исследователи, например В. Элвин [6, X] и С. Пил [23, 255]. Исключение составляют лишь тибето-бирманские народы горных штатов Северо-Восточной Индии. «Дому холостяков» у этих народов посвящен целый ряд ценных публикаций, начиная от работ самых ранних исследователей — Дж. Батлера [3] и С. Пила [22; 23; 24] — до специальных работ К. фон Фюрер-Хаймендорфа [8; 10]. Большой конкретный материал, позволяющий восстановить основные аспекты «дома холостяков» для всего юго-восточного района Азии, дает также фундаментальная монографическая серия британских авторов по ассамским народам, к которой нам придется неоднократно обращаться.

ящей статье является в какой-то степени реконструкцией: если у ряда народов эта модель остается действующей до наших дней, то у других сохраняются лишь отдельные ее черты.

Исследователи по-разному подходят к определению значения и основных функций «дома холостяков». По мнению В. Элвина, последний в основном является или военизированной организацией, основанной на строгой сегрегации юношей и связанной в первую очередь с войной, охотой и отправлением магических обрядов, или — у других народов — известным регулятором добрачных связей, допускающим общение молодежи разных полов [6, 269]. Последний момент особо подчеркивается С. Пилом и связывается им с практикой добрачной половой свободы [24, 246]. Напротив, Б. Гуха на первый план выдвигает иные, преимущественно общественно-социальные функции «дома холостяков» — «создание привычки к дисциплине у детей в период их формирования и развитие духа кооперации и сотрудничества, так, чтобы племя могло действовать как коллектив и не было почвы для роста дезинтегрирующих тенденций» [11, 83].

При всей разнородности оценок этого института его социальная значимость несомненна. Располагается «дом холостяков» либо на центральной площади, либо — чаще — при входе в деревню (что отчасти связано с его оборонительными функциями, так как в прошлом в обстановке постоянных межплеменных и междоусобных войн он выполнял роль как бы форпоста деревни). Внешний вид и размеры выделяют «дом холостяков» из массы остальных построек. Это большое строение, часто приподнятое на сваях (что вообще характерно для горных построек). Фронтон и столбы такого дома принято украшать богатой резьбой с традиционными орнаментальными мотивами (голова *митхана*², птицы-носорога и т. д.), пучками волос. Основания свай иногда обкладывают камнями-талисманами, приносящими удачу. Как правило, этот дом имеет два входа (в противоположных концах), посередине его — проход, где в прохладные ночи зажигают очаг (или очаги), вокруг которых спят юноши. Иногда имеются отдельные спальные ячейки. По бокам дома нередко тянется открытая, приподнятая на сваях галерея. Будучи главным строением деревни, «дом холостяков» служит и своего рода ритуальным центром. Это святилище, место хранения деревенских святынь и ценностей. Сюда приносили военные трофеи, в том числе головы убитых врагов. Здесь хранятся также большой деревенский барабан, представляющий собой полый ствол дерева, ритуальный ксилофон, гонги и прочее общинное достояние. Все хранящееся в «доме холостяков» считается находящимся под покровительством высших сил и поэтому не может быть похищено или повреждено. Под покровом этого дома никто не может быть обижен, и даже преступник (как и в средневековых европейских храмах) недосыгаем для преследователей. У большинства народов именно на галерее «дома холостяков» хранились (у некоторых временно) черепа врагов, с которыми связаны представления о мистической силе, сообщаемой ими роду и деревне победителя. Дом является предметом неусыпного внимания как его обитателей, которые являются его коллективными владельцами, так и всей общины.

У тех народов, где институт «дома холостяков» получил наибольшее развитие, в деревнях насчитывался не один, а несколько таких домов, распределявшихся по родам или по кварталам (например, у некоторых нага) [26, 52; 9, 69].

² Митхан — одна из пород одомашненного индийского буйвола (*Bos frontalis*).

Членами «дома холостяков» являются все юноши общины (или части ее). Там они до вступления в брак регулярно проводят ночь. У многих племен существует правило, по которому мальчики, достигшие определенного (разного для различных народов) возраста, не должны ночевать вместе с родителями; это объясняют стремлением отстранить их от интимной жизни родителей, а также от находящихся в родительском доме девушек (сестер и других родственниц). Возраст вступления в «дом холостяков» колеблется от трех-четырех (у игоротов) до шести-семи и даже двенадцати-тринадцати лет у прочих народов. Вступая в брак, юноши иногда платят небольшой взнос (мясом дичи или домашних животных) — своего рода компенсацию сотоварищам за свой уход [18, 24].

Вступление мальчиков в «дом холостяков» у ряда народов связано со специальными обрядами, чаще всего — с обрядами инициации, которые обычно символизируют магическую подготовку к войне или — в более отдаленное от нас время — к охоте за черепами. Так, у бирманских нага целью обрядов было испытание храбрости, выносливости, умения охотиться. В прошлом пройти инициацию нередко означало принять участие в набеге [2, 349]. У ассамских коньяк нага на мальчика, вступающего в «мужской дом», первый раз надевают дао — универсальное оружие нага [8, 349].

Для подростков переход в «дом холостяков» означает начало зрелости. После вступления в «мужской» дом у мальчиков появляются свои общественные обязанности, они начинают играть определенную роль не только в семье, но и в общине.

В «доме холостяков» царит строгая дисциплина. Хотя дни юноши проводят в родительском доме, однако их поведение и распорядок времени с самого начала регулируются целым рядом правил, которые они обязаны неукоснительно выполнять. Нарушение или невыполнение этих правил влечет за собой различные наказания. Чаще всего это штрафы, но не исключены и меры морального и физического воздействия. Дисциплинарные функции относятся к числу важнейших для «дома холостяков». Отдельные исследователи непосредственно связывают высокую дисциплинированность молодежи того или иного племени с наличием у него «дома холостяков» [21, 28].

Обязанности членов «мужского дома» меняются с возрастом. В обязанности младших членов «мужского дома» входит выполнение подсобных работ, самой распространенной из которых является доставка топлива для общих нужд коллектива. Иногда еще до вступления в «дом холостяков» мальчики обслуживают членов этой организации. Они учатся беспрекословно повиноваться распоряжениям главы дома и старших юношей. С возрастом они переходят в следующую категорию, составляя основной костяк «мужского дома», получая право в свою очередь распоряжаться младшими товарищами.

Однако вместе с тем важной чертой организации «мужского дома» является полное равенство всех его членов, принадлежащих к данной возрастной градации. Причем принцип равноправия распространялся даже на рабов у тех народов, у которых существовало патриархальное рабство [26, 125].

Наибольшая стройность внутренней структуры характеризует «дом холостяков» — «морунг» у ао нага, у которых он теснейшим образом связан с системой возрастных классов, что позволяет ему органически вписаться в социальную организацию общины. До недавнего времени у ао нага все мужчины от рождения до смерти принадлежали к тому или иному возрастному классу, для каждого из которых имелся свой круг функций и обязанностей и определенная роль в общественной жизни.

ни общины. Переходя последовательно из класса в класс, они приобщались к разным сторонам жизни своего общинного коллектива [7, 30]. У ао нага юноши вступали в «дом холостяков» в возрасте 12—14 лет. В течение первых трех лет они выполняли низшие и подсобные виды услуг. Затем их статус повышался, а еще через три года они имели право на вступление в брак, что означало переход в следующий возрастной класс, уже вне пределов «морунга».

Очень любопытны взаимоотношения членов «мужского дома» с семьей. Как уже упоминалось, юноши днем находятся у родителей, вместе с ними питаются, работают на принадлежащей семье земле. Однако родители не властны ни вмешиваться в распоряжения главы дома, ни отрывать детей от выполнения возложенных на них общественных обязанностей. В противном случае на них налагается штраф. В то же время наличие «дома холостяков» не приводит к отдалению сыновей от родителей; больше того, «дом холостяков», беря на себя многие дисциплинарные функции, избавляет от них тем самым отца и этим способствует улучшению отношений в семье.

У «дома холостяков» есть свой глава или главы. Насколько позволяют судить имеющиеся сведения, положение глав дома различно у каждого племени. Так, если у коньяк нага, по свидетельству К. фон Фюрер-Хаймендорфа, лица, возглавлявшие «дом холостяков», выступают преимущественно как организаторы различных церемоний [8, 349 и сл.], то у кабуи (Ассам) они обладают деспотической властью [6, 286]. У некоторых куки глава дома упоминается в ряду главных должностных лиц деревни [5, 184].

Воспитательные функции «дома холостяков» не ограничиваются привитием привычки к послушанию и исполнительности. На базе этого коллектива в прошлом нередко существовала военная дружина. Юноши обучались военному искусству и, будучи самой молодой и оперативной частью населения деревни, служили надежным подспорьем при защите общины от вражеских нападений [28, 1 и сл.].

Очень важным аспектом воспитательной деятельности «дома холостяков» было приобщение молодежи к традициям, обычаям, нормам жизни общины и рода. Проводя основную часть дня с родителями, юноши, тем не менее, постоянно принимают участие в общих праздниках, играх и развлечениях «мужского дома» и всей общины. Вечерами в «доме холостяков», как правило, собираются мужчины, чтобы скоротать время за беседами и обсуждением общих дел (привычка, сохраняющаяся с юношеского возраста). Присутствующие при этом юноши знакомятся с легендами и мифами своего народа, разучивают народные песни и танцы, приучаются к соблюдению родовых табу и запретов. Впоследствии, став отцами семейств, они, в свою очередь, будут передавать полученные знания следующему поколению. Так сохраняется преемственность культуры у не имеющего письменности народа.

Таким образом, объединение подрастающего поколения под одной крышей усиливает социальные позиции общинного коллектива, который, разделяя воспитательную функцию с семьей, тем самым препятствует полному обособлению последней.

К числу важнейших воспитательных функций «дома холостяков» относится также приобщение юношей к совместному труду. Становясь членом дома, юноша вступает в «экономическую жизнь морунга» [6, 290]. Таким образом, трудовое воспитание юноши включает как работу на семейном участке, так и совместный труд с товарищами по «мужскому дому». Это в первую очередь периодический ремонт дома, который производится исключительно силами его обитателей. Кроме

того, «дому холостяков», как правило, принадлежала земля³, которая совместно обрабатывалась его членами [16, 81; 27, 14]. В данном случае перед нами едва ли не единственный случай действительно совместного труда и коллективного потребления, ибо вырученная от реализации урожая сумма шла на общие нужды — чаще всего на подготовку праздника (покупку свиньи и других угощений). Наконец, у некоторых народов на основе «дома холостяков» создавались рабочие группы, которые по договоренности помогали обрабатывать поле нуждающимся общинникам и получали за это угощение [4, 447]⁴. Выработавшаяся в процессе совместного труда привычка к постоянной взаимопомощи, совместному планированию работ в дальнейшем, когда юноши начинают вести собственное хозяйство, помогала регулировать экономическую жизнь общины.

Несмотря на то что внутри «дома холостяков» не всегда бывает светло и уютно — там зачастую темно, дымно, много мух, несмотря на суровую дисциплину и многие трудности, с которыми приходится сталкиваться молодежи, время пребывания в «доме холостяков» остается для нее самым светлым временем юности. «Лхота говорит о своих счастливых днях в чампо „доме холостяков“. — С. М.) совершенно так же, как англичанин о своих школьных годах» [18, 25].

Хотя «дом холостяков» является молодежной организацией, значение его у многих народов значительно шире этого определения. В своей развитой форме «дом холостяков» выступал как центр, оплот социальной жизни всей общины. «Система морунга регулирует отношения каждого мужчины и каждой женщины с другими членами общины, она является базой для многочисленных взаимных обязательств отдельных лиц и групп. Она укрепляет чувство социального единства, способствуя развитию у юношей духа сотрудничества, и в то же время вызывает дух соревнования между морунгами, что стимулирует активность всей деревни» [6, 290].

По своему положению «дом холостяков» часто бывает одновременно и общинным домом. Здесь проходят общие собрания, заседает совет старейшин. Молодые люди, не имеющие пока права голоса на этих заседаниях, тем не менее обычно присутствуют на них и становятся свидетелями отправления деревенского правосудия, решения общих дел, планирования работ и походов и т. д. Участвуя в совместном труде, юноши приучаются к планированию своей будущей экономической деятельности, постигая нормы военного дела — готовятся к роли воинов. И так же, приобщаясь к нормам социальной жизни, они учатся управлять общиной, готовясь стать членами общества. Вступив в иную социальную и возрастную категорию, став полноправными общинниками и главами хозяйств, они продолжают жить согласно тем правилам и нормам, которые стали привычными для них со времени пребывания в «мужском доме».

Таким образом, именно знакомство с институтом «дома холостяков», с его широкими воспитательными функциями (к которым относятся воспитание словом, делом, примером, приказом) создает реальное представление о том, как складывались и сохранялись от поколения к поколению те нормы общинного коллективизма, которые лежали в основе жизни и деятельности общины до начала ее разложения. Вос-

³ В настоящее время подобная практика сохранилась в виде остаточных явлений лишь у некоторых народов.

⁴ Эти молодежные группы не следует смешивать с многочисленными другими группами взаимопомощи, которые могут формироваться по соседскому признаку [18, 27] или выступать как кооперативные объединения [4, 447].

питание дисциплинированности, привычки участвовать в делах, касающихся всего коллектива, приобщение к разным аспектам жизни обеспечивает крепость общинного коллектива. Каждый человек с детства знает свое место в общине, отдает себе отчет в своих правах и обязанностях. В этом смысле о «доме холостяков» можно говорить как об оплоте общинного коллективизма. При этом очень важно подчеркнуть, что это организация не добровольная, как многие более поздние объединения, а традиционная, членство в которой является обязательным. Поэтому воспитание юношей в «доме холостяков» носит всеобщий характер, оно охватывает всех без исключения. Нарушение этого правила, т. е. начало распада организации «мужского дома», свидетельствует и о начале разложения всего общинного коллектива.

Есть еще один аспект института «дома холостяков», который уже давно привлек внимание исследователей и до сих пор вызывает противоречивые мнения. Речь идет о роли «дома холостяков» в отношениях полов и влиянии его на сексуальную жизнь молодежи. Споры ведутся вокруг вопроса о том, способствует ли институт «дома холостяков» свободе полового общения или, напротив, ведет к разделению полов. Трактовка этого вопроса варьирует от рассмотрения «дома холостяков» как пережитка промискуитета до определения его как оплота воздержания [6, 270—271]. Безусловно, обе эти оценки являются крайними, и, видимо, у отдельных народов могут преобладать те или другие моменты. Недостаточная изученность данной проблемы у ряда народов заставляет нас ограничиться лишь некоторыми соображениями.

Никак не поддерживая тезис о том, что «дом холостяков» представляет собой пережиточный институт группового брака, мы не можем не отметить тот факт, что для всех народов, у которых отмечено его наличие, характерна свобода добрачных половых отношений [24, 246]. Это, однако, не исключает того, что у части народов вход в «дом холостяков» был категорически запрещен для девушек (и женщин) — их встречи с юношами происходили вне его стен.

В связи с этим следует отметить, что у многих (но не всех) народов существуют «дома девушек», которые, хотя и не являются обязательными спутниками «мужских домов», но довольно часто сопутствуют последним. В отличие от мужских, «дома девушек» не были столь организованными институтами и центрами трудового и социального воспитания [4, 447]. Это просто место, где девушки по достижении определенного возраста ночуют. И хотя иногда создаются объединения девушек для работы на полях, эти группы в отличие от рабочих групп «дома холостяков» носят временный и добровольный характер.

Взаимоотношения между домами молодежи складываются по-разному у различных народов. Так, у филиппинских игоротов наряду с «мужскими домами» («пахафунан») повсеместно имеются и «дома девушек» («олаг») [6, 278—279]. Девушкам строго запрещается входить в «пахафунан», в то время как юноши свободно навещают «олаг» (тесное строение, где размещается ряд постелей и где с трудом можно встать во весь рост) [15, 66]. У батаков Суматры девушки могут входить в «мужские дома» («сопо») и часто проводят там время за тканьем и развлечениями [28, 8]. У нага с «морунгом» обычно связан определенный «дом девушек», в котором и происходит общение юношей и девушек [19, 49; 6, 286]; встречаются и случаи, когда они пользуются одним домом и спят в два яруса [6, 286].

В тех случаях, когда отсутствует специальное помещение для девушек, они обычно ночуют отдельными группами в чем-нибудь до-

ме, где есть свободное место, или на галереях семейных домов. Тут их и навещают юноши.

Вся та свобода половых отношений, которой пользовалась молодежь «мужских домов», отнюдь не исключала определенного уровня сексуальной морали. Дело в том, что добрачные связи были традиционным обычаем и не считались аморальными. Больше того, девушка, забеременевшая до брака, гордилась этим, ибо она доказала свою способность иметь детей [15, 66]. В случае отказа отца ребенка жениться на ней она без труда находила себе другого мужа. Некоторые исследователи отмечают, что у народов, пользующихся добрачной свободой отношений, случаи нарушения супружеской верности встречаются значительно реже, чем у других народов [6, 284]. Наконец, общение молодежи, как правило, происходит в дозволенное обычаем время, с соблюдением экзогамных и эндогамных норм и прочих правил поведения. Свобода добрачных связей не означает обязательной постоянной смены партнеров: например, у игротов девушка обычно имеет одного возлюбленного, хотя юноши могут быть близки с несколькими девушками [15, 66].

Таковы основные аспекты и функции «дома холостяков», которые у тех или иных народов могли быть развиты в различной степени, с преобладанием какой-либо из них. Даже краткая характеристика «дома холостяков» показывает, что это древний институт, восходящий к развитому общинно-родовому строю. Об этом свидетельствует и то, что наибольшее развитие он сохранил у тех народов, которые принадлежат к самым ранним этническим пластам. «Не может быть сомнения, — писал К. фон Фюрер-Хаймендорф, — что система мужских домов является очень древним институтом. Та роль, которую морунг играет в деревнях коньяк-нага, показывает, сколь глубоко он укоренился в их социальной организации; а так как коньяк, по-видимому, представляют более древний, чем другие племена, тип культуры нага, весьма вероятно, что и морунг принадлежит (вместе с барабаном, сделанным из ствола) к древнейшему культурному пласту в горах Нага» [8, 378; цит. по: 6, 283]. О том же свидетельствует и тот факт, что у ао нага связанная с «домом холостяков» система возрастных классов наибольшее развитие получила у подгруппы чангки, являющейся древнейшей ветвью ао [7, 30].

По мере разложения первобытного строя «дом холостяков» постепенно утрачивает свои функции; при этом естественно, что в первую очередь исчезают те его черты, которые характеризуют социальную значимость «дома холостяков» как цитадели общинного коллективизма. Дальше всего он сохраняется просто как место ночлега подростков и юношей деревни, но воспитательная роль все в большей степени переходит к семье — тенденции развития направлены к ее всестороннему обособлению от коллектива. У ряда народов старые разрушающиеся «дома холостяков» не восстанавливаются, а юноши находят себе место на ночь на галереях одного из домов деревни, чаще всего дома вождя. Так, в частности, обстоит дело у сема нага. Их общины, в отличие от остальных нага, возглавляют влиятельные вожди, и юноши, ночующие в их доме, по сути, превращаются в их личную гвардию [7, 23]. Это говорит о перерождении института «мужского дома»: из организации, выражающей коллективную волю общины, он превращается в силу, преданную вождю, который уже противопоставляет себя общине.

«Дом холостяков» — институт традиционный, поэтому постепенное его исчезновение народы воспринимают как нарушение традиций, которое может привести к нежелательным последствиям. Поэтому, на-

пример, сема нага, у которых «дом холостяков», по существу, отсутствует, во время грозящих бедствий изготавливают небольшую модель такого дома, чтобы высшие силы не покарали их за забвение старых обычаев [14, 37]. У пурум куки, у которых сохранилась лишь должность главы «дома холостяков», юноши, отдавая дань традиции, должны две ночи в году (в феврале и в мае, в дни местных праздников) проводить в его доме [5, 184].

Претерпевают изменения и некоторые другие аспекты института «дома холостяков». Работа членов «дома холостяков» на принадлежащей «дому» земле или на полях односельчан у ряда народов принимает форму наемного труда. В этом случае молодежные группы ничем не отличаются от других соседских и прочих рабочих групп, о которых речь шла выше. Таким образом, работа, которая раньше была традиционной обязанностью членов «дома холостяков», превратилась в добровольный, денежно оплачиваемый труд.

Этот путь эволюции молодежных трудовых групп интересно прослеживается на примере балийцев — народа высокоразвитого, давно миновавшего стадию родового строя. Для социально-экономической структуры балийского общества характерно наличие множества групп взаимопомощи (*сека*), которые постоянно функционируют во всех общинах [1а]. Подобные объединения создаются по любому поводу и на любой срок. Отличительные черты этих организаций — их сугубая добровольность и нацеленность на определенный вид занятий. Возможно, что часть сека восходит к группам, близким к коллективам «дома холостяков». Об этом свидетельствует организация бали-ага (обитателей изолированных общин северной части Бали), которая сохраняет многие черты архаичного уклада. У бали-ага к числу сека относятся не только группы взаимопомощи добровольного типа, но и традиционные объединения юношей и девушек, которые одновременно с выполнением тех или иных работ являются воспитательными центрами молодежи и членство в которых обязательно для молодых людей определенного возраста [17, 322]. Таким образом, у истока некоторых современных организаций лежит в конечном счете древний институт «дома холостяков».

Хочется отметить еще одно обстоятельство. Часто встречающийся в наши дни обычай, когда юноши проводят ночь вместе, на галерее какого-нибудь дома, не всегда следует рассматривать как пережиток института «мужского дома». Так, например, традиционным жилищем даяков Калимантана является «длинный дом», который иногда вмещает целую общину (или общину составляют несколько таких домов). «Дом холостяков» у них отсутствует, но юноши должны спать не в своих семейных ячейках, а на галерее, окружающей «длинный дом». Здесь принимают гостей и проходят общие собрания [13, 52]. Возможно, если бы в прошлом, до начала разложения общинно-родового строя, произошло рассредоточение «длинного дома», то галерея выделилась бы как «дом холостяков», ибо функционально она исполняла роль такового. Однако разделение «длинного дома» на индивидуальные жилища относится к более позднему периоду, которому институт «дома холостяков» уже не был присущ, поэтому у даяков самостоятельный «мужской дом» так и не получил развития. Можно сказать, что у них мы видим как бы предстadium «дома холостяков».

Постепенное исчезновение или перерождение этого института связано со стремительным развитием новых тенденций и факторов, влияние которых ощущается даже в самых отдаленных районах. Распространение товарно-денежных отношений привело к появлению социального и имущественного неравенства и — вследствие этого — к разру-

шению общины как единого социального коллектива. Нарушение равенства ослабило связывающие членов общины узы и усилило частно-собственнические тенденции. По мере того как общинное землевладение сменялось индивидуальной собственностью на землю, отпадала необходимость в оплоте общинного коллективизма, одним из выражений которого служил «дом холостяков».

Из числа прочих факторов, способствовавших отмиранию института «мужского дома», следует отметить влияние христианства. Миссионерские школы призваны были заменить в качестве воспитательных центров молодежные дома. В христианизированных поселениях устанавливался пренебрежительный взгляд на «дом холостяков» как на пережиток дикости и оплот аморальности. Модернизация жизни племени и проникновение современного образования наносят окончательный удар по институту «дома холостяков».

Крайне любопытно, однако, что в настоящее время в странах, освободившихся от колониальной зависимости, наблюдается усиление интереса к местным традициям и культуре. В связи с этим в одном из самых труднодоступных районов расселения национальных меньшинств — в Северо-Восточном Пограничном Агентстве (с 1972 г. Аруначал), на границе Восточной Индии и Тибета, ученые, заботясь о путях дальнейшего развития племен, подошли к изучению их традиционных институтов не с нигилистических позиций и обнаружили в «доме холостяков» рациональное и ценное содержание, которое следовало бы учитывать и использовать в дальнейшей работе по благоустройству быта местных жителей. «Институты молодежных домов индийских племен, — утверждает Тханкапан Наир, — заслуживают поддержки и развития для сохранения племенной сплоченности и увековечивания традиционной культуры народа. Молодежные дома — это не места, где царит безудержная сексуальная распущенность. Эти дома выступают в роли хранителей племенной эндогамии. Они обеспечивают высокий уровень сексуальной морали в племенных деревнях. Высокий моральный уровень деревень, где такие дома продолжают действовать, заслужил восхищение всех посетителей этих областей» [20, 76].

В заключение хочется привести высказывание о «домах холостяков», принадлежащее одному из виднейших исследователей этого института — В. Элвину, которое как бы резюмирует их роль в социальной жизни: «Дом холостяков... поистине представляет собой попытку человеческого духа на определенном этапе развития разрешить некоторые физические и социальные проблемы, которые даже самые „развитые“ народы еще не решили к своему полному удовлетворению» [6, 271].

ЛИТЕРАТУРА

1. Маретина С. А. К вопросу об общности происхождения нага (Ассам) и даяков с острова Калимантан (Борнео), — «Тезисы конференции по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии», 1964.
- 1а. Маретина С. А. «Сека» — институт добровольных сообществ у балийских крестьян (Индонезия), — «Основные проблемы африканистики. Этнография. История. Филология», М., 1973.
2. Народы Юго-Восточной Азии, М., 1966.
3. Butler J. A Sketch of Assam, with some Accounts of the Hill Tribes, London, 1847.
4. Das J. Ch. Some Notes on the Economic and Agricultural Life of a Little Known Tribe on the Eastern Frontier of India, — «Anthropos», т. XXXII, 1937, стр. 3—4.
5. Das T. The Purums; an Old Kuki Tribe of Manipur, Calcutta, 1945.
6. Elwin V. The Muria and their Ghotul, Oxford, 1947.
7. Fürer-Haimendorf C. von. Staat und Gesellschaft bei den Nagä, — «Zeitschrift für Ethnologie», т. 63, 1932, тетрадь 1—3.

8. F ü r e r - H a i m e n d o r f C. von. The Morung System of the Konyak Nagas,— JRAI, т. LXVIII, 1938.
9. F ü r e r - H a i m e n d o r f C. von. The Naked Nagas, London, 1939.
10. F ü r e r - H a i m e n d o r f C. von. Das Junggesellenhaus im Westlichen Hinterindien,— «Wiener Beiträge zum Kulturgeschichte und Linguistik», т. I, 1930.
11. G u h a B. S. The Abor Moshup as a Training Centre for the Youth,— «Vanyajati», 1953, т. I, № 4.
12. H o d s o n T. C. The Naga Tribes of Manipur, London, 1911.
13. H o s e Ch., M c D o u g a l l W. The Pagan Tribes of Borneo, т. I, London, 1912.
14. H u t t o n J. H. The Sema Nagas, London, 1921.
15. J e n k s A. E. The Bontoc Igorot, Manila, 1905.
16. K a u f f m a n n H. E. Landwirtschaft bei den Bergvölkern von Assam und Nord Burma,— «Zeitschrift für Ethnologie», т. 66, 1934, тетрадь 1—3.
17. K o r n V. E. The Village Republic of Tenganan Pegeringsingan,— «Bali. Studies in Life, Thought and Ritual», The Hague, 1960.
18. M i l l s J. P. The Lhota Nagas, London, 1922.
19. M i l l s J. P. The Rengma Nagas, London, 1937.
20. N a i r P. Th. Youth Dormitories of NEFA India,— «Ethnos», т. 30, 1965.
21. P a r r y N. E. The Lakhers, London, 1932.
22. P e a l S. E. Notes of a Trip up the Dihing basin to Dapha Pani etc., Jan. and Feb. 1882,— JASB, т. LII, 1833.
23. P e a l S. E. On the Morong as Possibly a Relic of Premarriage Communism,— JRAI, т. XXII, 1893.
24. P e a l S. E. The Communal Barracks of Primitive Races,— JASB, т. LXI, 1893.
25. S c h m i d t W. und K o p p e r s W. Völker und Kulturen, т. III, Regensburg, 1924.
26. S m i t h W. C. The Ao Naga Tribe of Assam, London, 1925.
27. V e r m a B. B. Agriculture and Land Ownership System among the Primitive People of Assam, Delhi, 1956.
28. W e b s t e r H. Primitive Secret Societies, New York, 1908.